

Порой случается так: ты не успеваешь даже осознать происходящее, как всё уже свершилось. Или, вернее сказать, в те мгновения, когда ты пребываешь в полном неведении, нечто ужасное, подобно ночному кошмару, уже подкрадывается сзади, готовясь нанести удар.

И это «нечто» куда страшнее обычного дурного сна.

Любой кошмар рано или поздно заканчивается — ты открываешь глаза, и он тает, не в силах причинить вред бодрствующему разуму. Но холод, пробежавший по моей спине, недвусмысленно твердил: происходящее — не сон. Это явь, ставшая мороком.

После того как мы покинули гору Байхуэй и обосновались в городке Ванху, пути прежних обитателей крепости разошлись. Прошлый бой дался слишком дорогой ценой: многие, взвесив все «за» и «против», решили оставить опасный промысел ради жён и детей; другие же, хоть и помалкивали, явно не горели желанием возвращаться в лагерь.

В конце концов, школа Умин уже давно существовала лишь на бумаге.

В этом мире встречи и расставания переменчивы, словно плывущие по небу облака. С того самого дня, семь лет назад, когда школа пала под натиском демонов, наш разрыв был лишь вопросом времени. Страх перед нечистью или забота о семьях — всё это лишь предлоги. В этом мире нет вечных пиров, просто кто-то уходит раньше, а кто-то — чуть позже.

Так называемое самосовершенствование и закалка духа не в силах тягаться с тяготами мирской суеты. Стоит однажды окунуться в реку страстей, и ты уже не сможешь противиться радостям и печалям.

Мо Чэ, оставшийся в лечебнице Ху Лая, внешне никак не выказывал своего отношения к происходящему. Он был непривычно тих. Он просто обнимал меня сзади, положив подбородок мне на плечо, и едва слышно вздыхал.

Поправляя мои волосы, слегка растрепавшиеся за ушами, он теснее сомкнул объятия и вдруг произнёс:

— Давным-давно учитель говорил мне, что встречи и разлуки подобны облакам. Рождение, старость, болезни, смерть — всё это неизбежно. Когда сближаешься с чем-то, в глубине души ты уже должен быть готов к потере. Только так однажды можно достичь состояния, когда желания и нужды исчезнут. Это и есть истинный Путь.

— Лянь, — он позвал меня по имени, голос его звучал негромко, но отчетливо. — Если разлука неизбежна, то что в этом мире может быть вечным? Или же... ничто не длится долго?

Я слегка повернул голову, поймав взглядом его бесстрастное лицо, и ответил:

— Даже у Неба и Земли есть предел, что уж говорить о суетном мире? Я не встречал ничего вечного. Скорее всего, вечности просто не существует.

Он посмотрел на меня и вдруг безмолвно улыбнулся. Он смотрел тускло и безжизненно, словно припорошенный пеплом, а руки сжались еще крепче.

Возможно, чувства смертных слишком запутаны. А может быть... я сам ничего в них не смыслю.

Я не понимал: почему человек может улыбаться, если в этой улыбке столько горечи?

На следующий день пришла весть: большеголового мужика Нью Цяня и его семью — жену и ребенка — нашли убитыми на тропе за пределами города. Все трое направлялись в Цзиньлин в поисках лучшей доли. Смертельная рана на горле каждого была нанесена столь глубоким ударом, что белела кость.

Сперва грешили на происки демонов, но почерк убийцы был иным — нечеловеческим мастерством здесь и не пахло, скорее безупречной техникой фехтования. К тому же ценности остались нетронутыми, что исключало обычный грабёж.

Пока мы гадали, в чем дело, за несколько дней при схожих обстоятельствах погибли еще несколько человек: и те, кто собирался в путь, и те, кто решил осесть в Ванху.

Выходцы из школы Умин были мастерами боевых искусств, их навыки превосходили умения обычных людей. Чтобы сразить их одним ударом, требовалась сила, которой не обладал заурядный боец, и даже могущественным демонам такое было не всегда под силу.

Дело становилось всё более таинственным.

Мо Чэ стал ещё более неразговорчивым. Каждый день он уходил на разведку, но мне следовать за ним запрещал. Уходя, мужчина всякий раз серьезно наказывал:

— Оставайся здесь. Жди моего возвращения.

Разумеется, после того как я пару раз попытался увязаться за ним, этот мужчина просто отобрал мою шпильку.

Видя, как он прячет артефакт за пазуху, я недовольно проворчал:

— С чего это я должен тут торчать? Думаешь, я буду мешаться? Я просто хочу помочь! Если ты попадешь в логово волка или пасть тигра, что мне делать? Сидеть и гадать в неведении?!

Не обращая внимания на мой гнев, он слегка улыбнулся. Он тепло коснулся моей правой щеки, а в самое ухо прозвучал хриплый голос:

— Именно поэтому я хочу, чтобы ты был в месте, которое я считаю безопасным.

Тепло его руки исчезло, и не успел я опомниться, как он уже скрылся из виду. На душе было скверно. Не успел я сделать и пары шагов, как увидел у ворот знакомую фигуру с легкой улыбкой на лице. Это был Цинь Хуань.

— Сяо Байлянь, почему ты сегодня не с Первым главой? — Он аккуратно, едва касаясь, снял с моего плеча упавший сухой лист.

Я покачал головой:

— И не напоминай мне о нём. Наговорил каких-то странностей, бросил меня и ушёл.

— Странностей? — Цинь Хуань прикрыл глаза и усмехнулся. — Не забивай голову. Глава заботится о тебе, потому и не берёт с собой.

— Ты... ты всё слышал?

Он честно кивнул:

— Не нарочно. Проходил мимо и услышал.

Я надулся, притворяясь обиженным:

— И всё равно спросил, иду я или нет. Хм!

Цинь Хуань рассмеялся, щурясь, и вдруг бесцеремонно ущипнул меня за щеку. Этот жест был непривычно фамильярным.

— Если я вижу такого дурачка и не подразню его, считай, зря прожил день.

— Да в чём я глуп?! И вообще, я же был... ну... небожителем! Не смей называть меня дураком при каждой встрече!

— Это было раньше, а сейчас ты — сущий простофиля. Хе-хе, небось из-за своей тяги к земному уже и забыл всё прошлое напрочь? — В его словах слышалась насмешка, но без капли злобы.

Я недовольно ответил:

— Хотя я теперь и смертный, и лишился сил, как я могу забыть то, что было раньше?

Улыбка Цинь Хуаня мгновенно застыла. Через мгновение он вернул себе прежний вид, но на осунувшемся лице промелькнула тень изнеможения. Он медленно убрал руку от моего лица и потрепал меня по макушке.

— Верно, — тихо, словно вздыхая, произнес он. — То, что случилось в прошлом, забыть невозможно.

Заметив, как он нахмурился, я осторожно спросил:

— Цинь Хуань, ты... расстроен?

Он внезапно вскинул голову, глядя в бесконечное небо, и полуприкрыл глаза.

— Позволь спросить: кто в этом мире по-настоящему счастлив, а кто — нет? Тот, кому плохо, может смеяться, а тот, кто рад — плакать. Печально лишь то, что в мире слишком много лжи. Кому можно верить? И кто сам достоин доверия? При жизни нас окружает морок, и даже умирая, люди не видят истины.

— Цинь Хуань... — Я встревоженно потянул его за рукав.

Он опустил голову и легонько щелкнул меня по лбу, одарив мягкой улыбкой:

— Просто нахлынуло что-то. Погляди на себя — разнервничался-то как.

Подняв взгляд, я вдруг заметил на его ладони маленькое черное пятнышко, похожее на шрам.

— Цинь Хуань, а что это у тебя на руке? Поранился?

Он тут же убрал руку за спину, даже не взглянув на нее.

— Насекомое укусило, ерунда.

В это время к нам подошла Гун-попо — она навещала нас раз в месяц и в этот раз принесла нам

с Цинь Хуанем вареных яиц. Не успели мы перекинуться и парой слов, как старушку увёл помощник лекаря — учить приемам массажа. Мы снова остались вдвоем.

Глядя на корзину, я первым делом очистил яйцо и протянул его неподвижному Цинь Хуаню:

— На, держи, обжора.

Он взял яйцо, пристально посмотрел на него, а затем перевел взгляд на меня.

— Да... спасибо тебе.

— Не за что, мы же друзья!

Цинь Хуань сжал белое, гладкое яйцо в пальцах и кивнул. Не сводя с меня глаз, он эхом повторил:

— Да. Мы друзья.

Вечером того же дня Мо Чэ вернулся не один. Он принес человека, буквально залитого кровью.

Когда я прибежал в передний зал, там уже собралась толпа. Протиснувшись вперед, я увидел Ху Лая, который накладывал повязки. Раненый был бледен как полотно и едва дышал. Присмотревшись, я заметил на его спине семь или восемь глубоких рубцов, оставленных ножом. Лицо показалось мне знакомым — это был кто-то из крепости Байхуэй.

Его звали Цзя Юн. Он был знатоком ядов; раньше, если кто-то подхватывал неведомую отраву, именно он помогал распознать её. Недавно он покинул крепость и жил вместе с братом, его женой и двумя маленькими племянниками.

Страшно было видеть его в таком состоянии.

— Нашел его в кустах неподалеку от места вчерашнего убийства, — кратко пояснил Мо Чэ.

Странно, но Ху Лай лишь коротко отозвался, не став расспрашивать о подробностях. Он сосредоточенно бинтовал раны. Собравшиеся молчали, боясь потревожить умирающего.

Наконец лекарь закончил работу и тяжело вздохнул:

— Переживет ли он эту ночь — одному Небу известно.

Он велел всем разойтись. Остался только Мо Чэ — им нужно было обсудить что-то важное. Мне ничего не оставалось, как вернуться к себе и ждать.

Лунный свет был чист и прозрачен. Редкие облака, очерченные холодным сиянием, застыли в небе, подобно полотнам тончайшего шелка. В ночной тишине лениво стрекотали сверчки — звук то нарастал, то затихал, становясь совсем невесомым.

Цзя Юн всё еще был в беспомощности. Если он доживет до утра, мы узнаем, чья рука так безжалостно истребляет людей из нашей крепости. Опасаясь, что таинственный убийца попытается закончить дело, Ху Лай и Мо Чэ решили дежурить у постели раненого.

От скуки я вышел во дворик и по привычке уселся в углу, где сушились травы. Рядом лежали вяленые ягоды годжи и ревень, а в ночном воздухе разносился охлаждающий аромат подсыхающей мяты.

Не успел я устроиться поудобнее, как кто-то мягко коснулся моего плеча.

В лунном свете я узнал Цинь Хуаня.

— Тоже вышел прохладиться?

Мои слова заставили его невольно усмехнуться:

— Прохладиться? Сейчас лишь конец весны, откуда взяться жару?

— Тогда зачем ты здесь? — Я подвинулся, уступая ему место.

— Низачем, — тихо ответил он, присаживаясь рядом. — В комнате душно. Захотелось прогуляться. Подумал, что Глава пошел охранять Цзя-гэ, а ты наверняка выйдешь подышать. Вот и пришел сюда. Не думал, что действительно тебя застану.

Мы поболтали о всякой чепухе. Вскоре меня начало клонить в сон. Я несколько раз зевнул, и Цинь Хуань, придерживая меня за плечи, помог подняться и отправил отдыхать.

Ночь была прохладной и очень тихой.

Утреннее солнце осветило привычную суету лечебницы. Всё казалось обычным, если не считать красных от бессонницы глаз Мо Чэ и Ху Лая.

Цзя Юн выкарабкался. Он всё еще бредил, но, по крайней мере, остался жив.

Люди сновали туда-сюда, занимаясь своими делами.

Но с того момента, как я увидел раненого, в душе поселилась странная тревога. Я не мог объяснить её причин, она просто возникла из ниоткуда.

Когда я поделился своим беспокойством с Мо Чэ, он лишь потрепал меня по плечу, списав всё на излишнее напряжение.

Смешно. Это вам стоило бы нервничать, а мне-то что?

И всё же чувство было странным. Внутри всё сжималось от необъяснимого предчувствия.

Тревожный день подошел к концу. В сумерках, едва зажглись огни, в комнату вошел Мо Чэ. Не дожидаясь, пока он заговорит, я нетерпеливо спросил:

— Ну как он сегодня?

— Идет на поправку, — лицо Мо Чэ было пугающе бледным, щеки впали. Видимо, сказался недостаток отдыха.

— А его раны... что в них странного?

Он взял меня за руку и заставил сесть. Глядя в сторону, он честно признался:

— Когда убили семью Цзя Юна, он успел бежать. Мы не нашли его тела на месте расправы и начали искать в окрестностях. Так и обнаружили его в кустах, истекающего кровью.

Его дыхание было тяжелым.

— Вы узнали, кто это сделал?

Мо Чэ медленно поднял голову. Он ничего не ответил, лишь коснулся моего лба и плотно сжал губы.

— Ну скажи... жалко тебе, что ли? — вырвалось у меня. Я не стремился выведать его секреты, мне просто не нравилось, когда он носил всё в себе.

Его пальцы, холодные и влажные, сжали мою руку.

— Пускай я буду жадным. Порой неведение — это и есть самое большое счастье.

— Да ты меня скоро в свинью превратишь! Сиди и жди его вечно: поел — поспал, поспал — поел, ну и погулял разок, — я попытался вырвать руку, но он удержал её. Злость закипела во мне. — Я тебе не девица на выданье, чтобы меня взаперти держать. Думаешь, это весело?!

Свет лампы падал на его красивое лицо. В глазах мерцали блики. Крепко сжав мои пальцы, он спустя мгновение произнес:

— Я думаю, в этом есть смысл. По крайней мере, для меня. Когда кем-то дорожишь, меньше всего хочешь видеть его раненым. Раньше я этого не понимал. Теперь — знаю.

Его мягкий, обволакивающий взгляд был полон жара. Он присел передо мной, и в его глазах отражался только я.

— Ты... невыносим! — Я покраснел. Никогда бы не подумал, что один лишь взгляд может вызвать такую бурю: гнев, стыд и какую-то странную, щемящую сладость.

От него я... я становлюсь похожим на девчонку!

Но то неясное чувство, что таилось на дне души, вдруг разлилось по телу теплом. Мне стало по-настоящему хорошо.

Однако счастье редко бывает долгим.

С каждой секундой бледность на лице Мо Чэ становилась всё мертвеннее. Ладонь, сжимавшая мою руку, внезапно стала холодной как лед.

— Чэ?

Он не ответил.

Почуввав неладное, я коснулся его щеки, покрытой холодным потом. Он бессильно повалился на меня. Дыхание его стало прерывистым, почти исчезающим, тело сотрясала мелкая дрожь.

Яд?!

Это была единственная мысль, пришедшая в голову. Но... я совершенно не понимал, что это за отравка!

Не раздумывая ни секунды, я перекинул его руку себе на плечо и потащил в главный зал. Хорошо, что мы в лечебнице, и здесь есть Ху Лай... иначе я бы не знал, что делать.

Но, как выяснилось, я был слишком наивен.

Пол лечебницы был усеян телами. Люди лежали вповалку: мертвенно-бледные, едва дышащие. Здесь были все — Ху Лай с женой, помощники лекаря, пациенты. И среди них — Цзя Юн.

Только в этот раз он не был в беспамятстве. Он был мертв.

Я коснулся его шеи — пульса не было. Отпрянув, я огляделся по сторонам. Тьма за порогом казалась живой, а тревога в сердце превратилась в ледяной ужас.

Я хотел было броситься назад в комнату, но в мертвой тишине с крыши раздался знакомый голос.

— Сяо Байлянь.

В этом пугающем безмолвии голос друга должен был принести облегчение. Но я не знал, что зрелище, которое откроется мне, не только не развеет страх, но и заставит кровь застыть в жилах.

Я резко обернулся. На краю крыши стоял человек. Он мягко улыбался, и его худощавое лицо выглядело благородно. Только вот привычных задорных клыков не было видно — казалось, он лишился их давным-давно.

С его железного меча медленно капала густая, алая кровь. Звук падающих капель казался неестественно громким в ночной тишине. От этого зрелища по моей коже пробежал такой мороз, какого я не знал прежде.

Цинь Хуань смотрел на меня сверху вниз. Его взгляд был пугающе спокойным.

Оцепенение сковало меня. Я невольно приоткрыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Прошло немало времени, прежде чем я, словно в забытьи, пробормотал:

— Цинь Хуань... что с тобой? Ты... ты весь в крови.

Он молча отшвырнул тело человека, которого только что лишил жизни одним ударом. При слабом свете звезд я увидел на шее убитой знакомые глубокие раны. Взгляд скользнул выше, к лицу... и сердце моё пропустило удар.

Это была Гун-попо.

Шок парализовал мои мысли. Когда первый морок рассеялся, я сжал кулаки так, что ногти

впились в ладони.

— Почему? — прохрипел я.

Цинь Хуань стоял на крыше, залитой кровью, заложив одну руку за спину.

— Зачем ты спрашиваешь «почему», Сяо Байлянь? Неужели ты никогда не спрашивал об этом самого себя?

— Себя?

— Именно. Тебе стоит спросить об этом самого себя.

Он чуть прищурился и тонко улыбнулся. И в лунном свете блеснули два его клыка.

В моей памяти он навсегда остался тем веселым парнем, который покупал сладости племяннику. Я не мог поверить, что он стал настолько чужим.

И я боялся, что дальше он станет еще чуже.

<http://bllate.org/book/17534/1705783>